

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 316.477

ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ: ДИССИДЕНТСТВО КАК ФОРМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НОНКОНФОРМИСТСКИХ СЛОЕВ СССР В ПРЕДДВЕРИИ РОССИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ

Красиков В. И., доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

В статье анализируются мировоззренческие позиции третьей эмиграции, взгляды и теоретические произведения ее представителей. Автор доказывает, что эмиграция и диссидентство составляли единое поле интеллектуального внимания, на котором шли ожесточенные дискуссии. Они и стали «дорожной картой» для будущей демократизации в России.

Ключевые слова: теоретики третьей эмиграции, диссиденты, неомарксизм, либералы, почвенники.

A PHILOSOPHICAL COMPONENT IN THE THIRD WAVE OF EMIGRATION: DISSIDENCE AS A FORM OF SELF-DETERMINATION OF NONCONFORMIST SEGMENTS IN THE USSR BEFORE DEMOCRATIC RUSSIA

Krasikov V. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

The third wave of emigration was unlike the first and the second, because it was associated with people remaining in the USSR. Emigrants and dissidents within the country were one community with a common field of intellectual attention and were associated with multiple communications channels.

We can describe the world of dissidents as follows. The human rights movement or a small group of people concentrated in Moscow was its center. Activists of a variety of social movements: ethnic, religious, socio-political and cultural were associated with this group.

Dissident movement in the Soviet Union begins in the 1950s – early 1960s. Together dissidents denounced the evils of the Soviet system, but they began to argue about the ways of healing the country. Debaters have developed three ideologies that underpin the opposition. There were three groups namely “authentic Marxists”, “orthodox nationalists” and “liberals”.

The first direction believed that the regime perverted Marxist-Leninist ideology and for the improvement the society needs to return to basics of Marx and Lenin. The author examines the views of immigrants P. Abovin-Egides and V. Turchin as an example of this position.

The second direction intended to rebuild Russia in accordance with Christian values and Slavophil principles. Literary and journalistic activities of Solzhenitsyn is the most vivid expression of this attitude.

Liberals wanted a transition to a democratic society of the Western type. Here we can see the greatest number of philosophizing figures such as B. Shragin, A. Yesenin-Volpin, B. Chalidze and A. Amalric.

The author considers two key debates in exile between liberals and nationalists (1974–1976 and 1983–1985), which was initiated by Solzhenitsyn.

So dissent in the Soviet Union was the breeding ground of the third emigration. Emigration does not lose touch as many of their confederates, friends and relatives lived in the homeland. These lines create the structure of positions, which later became the “road map” of perestroika and the liberal revolution.

Keywords: theorists of the third emigration, dissidents, neo-Marxism, Liberals, Nationalists

60-е годы и первая половина 80-х годов XX века существенным образом изменили ситуацию в эмигрантском сообществе и связано это было, в первую очередь, с процессами, шедшими в СССР. Экзистенциальные следствия Великой Отечественной войны, критика Сталина и хрущевская оттепель породили новую генерацию людей внутри советского режима, называемую обычно шестидесятниками, характеризовавшуюся идеализмом, романтизмом и развитым чувством ответственности. Многие из них были выходцами из столичных большевистских элит, подвергшихся сталинским чисткам во второй половине 30 – начале 50-х годов, которые приобретали все более выраженный этнический характер – против кавказцев, немцев, прибалтов, украинцев, крымских татар и особенно евреев (борьба с безродными космополитами, дело врачей-убийц). От союза с советской властью, от полной с ней самоидентификации наиболее пассионарная часть партийной интеллигенции (еврейская) встала на путь борьбы с режимом. Ее представители и составляли костяк как диссидентства, так и третьей эмиграции. В силу специфики своей этнической психологии и ментальности они были настроены в большинстве своем прозападнически, хотя первой формой протеста стало «марксистское самоочищение». Вместе с тем, появляется и другая имманентная составляющая российского самоопределения – опять новое славянофильство.

Подобные события, происходящие на родине, обусловили серьезные изменения интеллектуального ландшафта русской эмиграции в 70–80-х годах, в том числе и его философской составляющей. Эмиграция – всегда явление вторичное и производное от того, что происходит в метрополии. Первая эмиграция стала столь самобытным, самодостаточным и мощным социальным

образованием, имеющим кроме всего прочего и развитую мировоззренческо-философскую надстройку, в силу того определяющего обстоятельства, что *практически вся* активная оппозиция как социально-классовая сила (офицерский корпус и правая интеллигенция) была вытеснена за границу, где смогла стать «государством» в государствах. Вторая эмиграция носила в основном плебейский, или, мягче, народный характер и за небольшим литературным исключением, привела более к географическому, нежели интеллектуальному разнообразию. Она не имела самодостаточного характера, за исключением, может быть, сильной ненависти к коммунистам, и мировоззренчески подчинялась деятелям первой эмиграции.

После смерти Сталина режим необратимо либерализовался и допустил появление своего будущего могильщика. Оставались тюрьмы, психушки, массовое промывание мозгов, однако ушли те вера, беспощадность и истовая серьезность, которые составляли ранее его основу. Нынешняя же основа все более смягчала вследствие возобладания желания пожить и не отягощать свою совесть демоническими злодеяниями в сталинском духе. Новая генерация коммунистов (брежневских бюрократов) все более разрыхлялась – от всепроникающего скепсиса и иронии людей, разбуженных войной, предлагавших свои, новые ценности и новую веру. Истончился и железный занавес – вместе с новыми желанными западными шмотками стали проникать подрывные идеи и подрывные издания.

Специфика третьей волны эмиграции в том, что она представляла собой часть *одного* социального целого: диссидентства, имеющего корни в новых людях, шестидесятниках, появившихся как плоть от плоти советской действительности.

И высланные за границу, и диссиденты внутри СССР уже имели многочисленные коммуникационные каналы, составляя, по сути, *единое сообщество с единым полем интеллектуального внимания*. И никакие КГБ и промывка мозгов не могли уже остановить активность самиздата и тамиздата, который и формировал это общее пространство внимания, подпитывающееся кухонными разговорами столичной интеллигенции и ее подпольными культур-кружками – наглядное свидетельство истончения железного занавеса и начало конца режима. Мир диссидентов можно описать следующим образом. Его центром являлось правозащитное движение – небольшая, но очень заметная группа людей, сосредоточенных, в основном, в Москве и нескольких других крупных городах. С этой группой были связаны активисты самых разных общественных движений: национальных, религиозных, социально-политических, культурных и таких, которые можно считать пограничными по отношению к этим категориям. Иные из этих движений смело можно назвать массовыми: так, под некоторыми петициями литовских католиков или крымских татар собирались тысячи подписей; в общинах баптистов-инициативников или христиан веры евангельской (пятидесятников) состояли, по-видимому, десятки тысяч верующих; евреев, решившихся подать заявление на выезд в Израиль, также считали тысячами.

Такого не было ни в первой, ни во второй эмиграции. Симптоматично, что деятели третьей волны, независимо от направлений, практически в унисон утверждают о стене непонимания между ними и еще живыми представителями первой эмиграции. Последние навсегда остались в старой России, не знали и не хотели знать о советских людях, их реальных делах, потребностях и интересах.

Диссидентское движение в СССР начинается в виде отдельных эксцессов, протестов – в 50-е – начале 60-х годов, когда поиск альтернатив в общественном развитии велся почти исключительно по марксистской схеме, ибо в течение полувека это была единственная для всех школа мышления. Тяжелый удар нравственной привлекательности социализма нанесло советское вторжение в Чехословакию. И лишь в 70-е годы

инакомыслящие, единые в осуждении пороков советской системы, стали расходиться в объяснении ее природы и, особенно – в способах исцеления страны. И в эти же, 70-е годы, советская система стала широко практиковать высылку диссидентов за границу как более эффективную (как им казалось) форму борьбы, нежели репрессии. На деле диссидентство получило свою надежную и недосыгаемую для КГБ медийную и материально-организационную основу в виде третьей эмиграции, позволившую ему пережить неудачи внутри СССР.

Хотя открытые столкновения среди диссидентов по поводу мировоззренческих стратегий начинаются в 70-е годы, но уже в конце 60-х годов они стали очевидными для наиболее пронизательных участников. Так еще в 1969 году, один из наиболее одаренных теоретиков-диссидентов, рано трагически погибший Андрей Амальрик прозорливо отметил три основные силы анти-советского движения: «подлинный марксизм-ленинизм», «христианская идеология» и «либеральная». Первая сила полагала, что режим извратил марксистско-ленинскую идеологию и для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к ее истинным принципам. Вторая была нацелена на переход к христианским нравственным принципам, которые толковались в славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Наконец, либералы были настроены на переход к демократическому обществу западного типа с сохранением, однако, принципа общественной и государственной собственности.

Существуют и другие, более дробные классификации, но, думаю, что эта, наиболее общая, данная одним из ключевых фигур диссидентства и на заре описываемых событий, обозначает как главные различия, так и основные позиции в едином поле интеллектуального внимания – страницах сам- и тамиздата.

Итак, три группы: «аутентичные марксисты», «православные националисты» и «либералы». В отношении представленности этих диссидентских групп в эмиграции существовал явный перекос – последние две явно доминировали, ее представители высылались режимом в первую очередь, наверное, в силу своей откровенной

чуждости, тогда как «своих», «марксистов» хотя и сажали, но гораздо реже выслали. Также другая особенность во внутренних взаимоотношениях между этими группами: острая конфронтация между патриотами и демократами (вновь: славянофилами и западниками) и вялотекущие дискуссии между ними и социалистами-гуманистами.

Направление, которое называют по-разному: «истинный, аутентичный марксизм», «демократический социализм», «социализм с человеческим лицом» и т. п., возник в первую очередь – в обществе тотального коммунистического единомыслия и массивной пропаганды. Однако никакие идеологические заклинания не могли убедить критически настроенных и проницательных людей в соответствии окружающей их действительности с гуманистическими формулами в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Последние были сакральны – значит, неверна была действительность, которую следует привести в адекватное состояние при помощи волшебных энергетических формул революционного преобразования мира. Очарование радикального гуманизма- марксизма известно давно, даром даже мощные интеллекты типа Бердяева, Булгакова и Франка оказывались на некоторое время пленены им, как несть числа другим. И в 50–60-е годы XX века многие из будущих либералов и патриотов также были на время уловлены поветрием очищения, возвращения к истокам и духу произведений Маркса – Ленина. Переболели этим и многие известные диссиденты: Л. Богораз, П. Марченко, П. Григоренко и др., в некоторой степени, даже А. Солженицын и А. Сахаров.

Поразительно, но настроения революционного энтузиазма вновь и вновь рождались в городах и весях СССР, особенно среди молодежи, на протяжении всего времени существования советского режима, но наиболее интенсивно в постсталинское время – насчитывали от 16 до 22 левых подпольных оппозиционных групп. Однако самым представительным и теоретизированным среди новых социалистов был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев: разработка марксизма-ленинизма применительно к современности и поиск конструктивных путей демократизации эко-

номики, образования, структуры власти. Он сумел дать жизнь самиздатовскому выпуску «Политического дневника», некоего подобия подпольного журнала, среди читателей которого были также люди из партийного и государственного аппарата (своего рода самиздат для официальных лиц, охарактеризовал его позднее Сахаров). Вторжение в Чехословакию, однако, разрушило надежды на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической – одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в самое понятие социализма.

Немногие из марксистски настроенных диссидентов были высланы за границу, верно власти все же рассчитывали на большой успех по их перевоспитанию, нежели по отношению к уже совсем чуждым идеологическим элементам типа либералов и почвенников. Другая общая тенденция – постепенное размывание марксизма в их взглядах – в направлении к демократизму, а то и к национализму (Л. Плющ) и религии. Приведем наиболее характерные типы «аутентичных марксистов».

Петр Маркович Абовин-Егидес (1917–1997) – философ по образованию и профессии, кандидат философских наук (диссертация «Проблема смысла жизни»), преподаватель кафедры философии ряда вузов. До того – участник войны, отбыл шесть лет лагерей за нахождение в плену. Искренне преданный идеям социализма, что доказывают примечательные факты его жизни: шесть лет добровольно работал в советских колхозах, быв одно время и председателем, пытаясь доказать действенность социалистических принципов. Три года – в психиатрической больнице, вполне в духе репрессивных практик того времени. Семидесятые провел, как и большинство диссидентов того времени, – между безработицей, случайными заработками и активной дискуссионной, самиздательской деятельностью (редактор знаменитого журнала «Поиски»). В 1980 – эмиграция во Францию, где продолжал свои философские изыскания, переиздавая «Поиски». В 1989 вернулся в Россию и привычно возобновил критику

правляющего режима – на этот раз уже не за искажение социалистической идеи, а за ренегатский отказ от нее.

Егидес разработал интересную концепцию «панперсонализма» и «оазисного социализма», разновидность социалистической этики. Личность – зияние зазора (экономического, политического, бытового, духовного) между индивидом и обществом, историческая мера автономии человека, проявляющаяся как реальная возможность решать что-то и где-то. Панперсонализм – это такое общество, где каждый человек является личностью во всех отношениях. Такого общества еще нет нигде, – полагал Абовин-Егидес, – на Западе оно еще фрагментарно, ибо наемные работники не являются субъектом решения. Человек является личностью там, где он реально может сам принимать решения. В нашей стране до недавнего времени он не мог быть личностью ни в каком отношении, разве что в бытовом. Самоуправляющееся общество, то есть ассоциации самоуправляющихся индивидов, будут возникать оазисно, в разных странах, на разных континентах и станут, накапливая позитивный опыт, испробуя разнообразные формы организации свободного труда и справедливого распределения прибыли, создавать оазисы подлинного, а не мнимого социализма [2].

Валентин Федорович Турчин (1931–2010) – физик-теоретик, выдающийся математик, диссидент и философ. Причем стал он диссидентом благодаря философско-экзистенциальному складу своего ума.

Как и многие, в 60-е годы он был более ориентирован на идеалы подлинного социализма, что нашло свое выражение в статье, потом книге «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм». Затем экзистенциализм окончательно устраняет остатки марксизма. В 1977 году КГБ заставляет его эмигрировать в США, где он успешно продолжает свою научную деятельность, преподает в Нью-Йоркском университете, разрабатывает масштабный междисциплинарный философско-кибернетический проект *Principia Cybernetica*.

Причем сами мотивы занятия Турчиным философско-кибернетическими изысканиями, как и диссидентской деятельностью были также экзистенциальными: осознание смертности человека

и протест против нее, порождающий стремление к бессмертию в творчестве. Суть последнего – во внесении конструктивного вклада в космическую эволюцию, вершиной которой на данном этапе и является прогресс науки. Квинтэссенцией его вклада стала *Principia Cybernetica* (коллективный проект совместно с двумя американскими профессорами). Создание подобных «естественно-научных философем» (другой пример – синергетика) явилась одним из выражений довольно популярных в то время (70–80-е годы XX века) натурфилософских усилий сведения воедино гносеологии, онтологии и этики – на основе кибернетического и эволюционного подходов. Центральное понятие конструкции *Principia Cybernetica* – «квант эволюции» или «метасистемный переход» – скачок при переходе системы мирового целого из одного состояния в другое. В момент совершения «метасистемного перехода» над уже существующими системами, объектами возникает новый уровень. Он называется уровнем управления в любых эволюционирующих системах, затем идет дальнейшее нарастание уровней и другие переходы [6].

Большинство диссидентов придерживались все же западной, демократической, либеральной ориентации, к которой пришли и многие бывшие приверженцы «аутентичного марксизма» – особенно после подавления пражской весны и начала новой мягкой сталинизации общественно-политической жизни. Именно среди либеральной интеллигенции мы видим наибольшее количество философствующих индивидов.

Борис Иосифович Шрагин (1926–1990) – философ по образованию, также, как и Абовин-Егидес, – кандидат философских наук. С начала 60-х он – активный участник правозащитного движения, что привело его к эмиграции в США (1974), где он становится преподавателем в престижных американских университетах. Бывший неомарксист он, как и Турчин, дрейфует к экзистенциализму, самой актуальной для диссидентской интеллигенции того времени позиции «бремени свободы». И это не удивительно, памятуя об оглушительной популярности тогда экзистенциалистских идей в Европе. Позже, уже в Америке он обобщает пережитое в своей лекции «Диссидентский экзистенциализм», раскрывая смысл сопро-

тивления несогласных с советским тоталитаризмом. Этот смысл, в условиях индифферентизма большинства народа, носит сугубо личностный характер и состоит в спасении себя, своей собственной совести.

Шрагин активно участвовал в полемике с нео-националистическим направлением в русской эмиграции. Так он стал составителем и участником сборников «Самосознание» (1976), в котором бросил вызов авторам сборника «Из-под глыб». В 1977 выходит книга «Противостояние духа» – развернутое философское эссе, посвященное осмыслению духовного опыта советского дисидентства. На радио «Свобода» выходят в эфир программы его программы: «Демократия в действительности», «Иностранные ученые СССР», «Лекции о русской философии» и др.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (1924) – математик, кандидат математических наук и философ. С 1949 – вплоть до высылки в Америку (1972) он проводит время в спецпсихолечебницах, ссылках и организации правозащитных акций, находя при этом время писать статьи для знаменитой «Философской энциклопедии» 60-х годов. Преподавал в американских университетах.

Мышление его, как отмечают очевидцы, действительно своеобразно, и заключается в ригористической экстраполяции законов формальной логики и права на реальную жизнь: все в жизни должно подчиняться правилам и законам. Он писал в «Свободном философском трактате», что мысль состоит в поисках истины, а жизнь – в поисках пользы. И тут конфликт: как живое существо, человек ставит жизнь выше мысли, но как существо мыслящее, он делает мысль выше жизни. Однако, если подобный ригоризм не принес сыну Есенина счастья в жизни личной, ибо многочисленные жены его были в ужасе от изысков формализации (в плане распределения семейных обязанностей и организации), то вот применение этого принципа к сфере права принесло неожиданную эффективность. Власти чувствовали себя неуютно перед требованием соблюдения советских же законов.

Валерий Николаевич Чалидзе (1938) – физик, кандидат физических наук. С 1968 года издавал самиздатский журнал «Общественные проблемы». В 1972 году выехал по приглашению в США

для чтения лекций и почти сразу же был лишен советского гражданства. Основал собственное издательство, в котором начал публикацию на русском языке документов и материалов из архива Троцкого, хранящегося с 1940 года в библиотеке Гарвардского университета в США и включающего в себя материалы по истории Советской России и о деятелях революции, воспоминания Н. С. Хрущева. В 1983 году Чалидзе получил премию «Гений» от фонда Мак-Артуров и на эти деньги купил дом и участок земли на берегу озера в штате Вермонт. Здесь они с женой и обосновались, реализуя вековую мечту интеллектуалов о философском уединении. Чалидзе – автор многих историко-политических и социально-политических исследований, но также написал и любопытный философский труд «Иерархический человек» [7].

Произведение демонстрирует недюжинный ум и отличные спекулятивно-конструирующие способности автора. Конечно, чувствуется сильное влияние социобиологии и натурфилософских (позитивистских) установок. Вместе с тем, читать труд довольно интересно – именно в силу свободной, легкой (по стилю) и смелой манеры проблемно и нестандартно-оригинально обсуждать традиционные, казалось бы, набившие оскомину, проблемы.

Спекулятивность проявляется в полагании целого ряда довольно рискованных конструкций, типа «расход воли», «ген воли», «сильные и слабые», «мера культуры», «мера цивилизованности» и пр. Однако Чалидзе и не претендует на концептотворчество, подчеркивая их рабочую условность.

Для чего, вообще говоря, он затевает анализ в духе отбрасывания «предрассудков об исключительно культурной основе поведения человека и изучения нашей скотской природы»? Для того, чтобы понять и описать, в глубинном формате, ситуацию нового и новейшего времени – с ее революциями: социальными и культурными.

Чувствуется у него некий элемент нищества: деление людей по признаку воли, интерпретируемой несколько прямолинейно, чуть ли не физически, на сильных и слабых. Также проводится тезис о победе ранее, уже в ходе цивили-

зационной истории, слабых. Вместе с тем, победа эта у Чалидзе вовсе не есть зло как у Ницше, и не при помощи христианства. Это просто новый формат человеческого, социального, гипербиологического существования: цивилизационные запреты сохраняют внутреннее поле культуры, терпимости и равенство возможностей, подавляя древние иерархии грубой силы. Полииерархии более полно отражают разнообразную природу человека – вне лишь контекста признаков волипокорности. Выживали и побеждали в истории социально приспособленные, покорные и пр., что тоже не хорошо, так как приводит, рано или поздно, к стагнации утраты генов воли, утери энергии и страсти.

Итак, история людей, биологическая и социальная, есть напряжение переходов между двумя крайними состояниями общества – *естественным* с иерархией по силе, по объему собственно воли и *цивилизованным*, с иерархией по накопленным суррогатам и уровню сознательной воли. Мы переживаем, начиная с Нового времени, и особенно в XX веке, реванш сильных из низов и стремление установить единую иерархию, подобную древней волевой иерархии. Это, начиная с Французской революции, и революция 1917, и приход нацистов к власти в Германии. Эти революции были направлены против собственности, затем против тех, кто раньше был силен знаниями и волевым суррогатом (ценности, идеи), и воссоздание архаической единой иерархии.

Чалидзе негативно относится к этим реваншам, которые возможны при следующих условиях, когда: 1) существует сильное давление на низы; 2) происходит ослабление социальных поддержек порядка, прежде всего «волевых суррогатов» (традиционных ценностей, религии и пр.); 3) низы слабо цивилизованы; 4) налицо низкая степень обновляемости иерархий (слабые социальные лифты).

Андрей Алексеевич Амальрик (1938–1980) – историк с блестящими аналитическими способностями, после трех сроков, «вкрапленных» в его диссидентскую деятельность в 60–70-е годы, был выслан в 1976 году за границу, чтобы спустя несколько лет трагически погибнуть в автокатастрофе.

Собственно, работа, за которую мы смело можем причислить его к выдающимся социальным философам, имеет небольшой объем, нося характер эссе. Однако, это явно нетленка, учитывая время ее появления и концептуальное содержание первой ее части. Вторая часть – скорее антиутопия-блокбастер, и, возможно бы послужила хорошим сюжетом для соответствующего романа или фильма.

Остается загадкой, как недоучившийся 31-летний студент-историк, за три месяца 1969 года в деревне Акулово под Москвой смог написать блестящее социально-философское эссе («Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?») с массой социологических новаций, актуальный и сейчас, написанный как будто сегодня, *post factum* [1].

Что, какие результаты мы конкретно имеем? Это, во-первых, саморефлексия новой силы в СССР – среднего класса – Демдвижения (кто мы, откуда, что хотим), во-вторых, концептуальный анализ советского общества и ситуации конца 60-х годов (как оказалось, и 70–80-е годы тоже), в-третьих, точный диагноз менталитета родимого народа.

Советское общество Амальрик уподобляет трёхслойному пирогу: с правящим бюрократическим верхним слоем во главе; средним слоем, или «средним классом» (свободные профессии, служилая советская интеллигенция и др.) – посредине; и наиболее многочисленным нижним слоем – рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. Причем нижний класс характеризуется сильной социальной дезориентацией: пролетаризация деревни породила «странный класс» – не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия; в городе же – запуганные и агрессивные обыватели-наемные работники. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет – неизвестно. Верхний класс также деградирует – после сталинских чисток, устранивших все более или менее активное и деятельное, приходит слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты, впадающее в ступор самосохранения.

Суть ситуации, которая оказалась еще растянутой на 15 предстоящих лет, – нарастающая закостенелость и дряхление режима. Вроде была надежда – на средний класс, который постепенно формируется с 50-х годов XX века, сначала через культурную оппозицию, потом посредством самиздата. Он уже сознателен, хочет работать в условиях легальности и гласности, ему понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления. Однако автор не заблуждается на сей счет: в массе эта среда столь посредственна, ее мышление столь очиновлено, а наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть так пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются весьма проблематичными. Таким образом, парадокс ситуации в том, что пассивному среднему классу противопоставит пассивная бюрократическая элита. Что, собственно и показала последующая история. Пока сам режим просто не упал, как гнилой плод, – и то лишь с иссяканием потока нефтедолларов – не было никаких попыток самоорганизации и волеизъявления масс.

Амальрик продолжает и традицию обнажения нелицеприятных сторон менталитета дорогого нашего народа. Он также пассивен, как и его вышестоящие соотечественники, способен, как и они, лишь на пассивное недовольство – из-за сильного имущественного неравенства, низких заработков, тяжелых жилищных условий, нехватки или отсутствия товаров первой необходимости, насильственного прикрепления к месту жительства или работы и т. д. Самые понятные и близкие народу идеи – идея силы и идея справедливости – одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. Русскому народу почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свер-

шения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Справедливость на практике оборачивается желанием, чтобы никому не было лучше, чем мне. Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живет большинство.

Что же касается обвинений в ошибочке с Китаем, апокалиптическое столкновение с которым пророчил Амальрик, то, по большому счету, его и не понадобилось. Хватило и Афганистана – дабы совсем надорвать экономику и обвалью ухудшить показатели сакрального для режима «неуклонного роста благосостояния советского народа», по сути, и оказавшиеся решающими для начала обвала.

Направление «неонационализма», сформировавшееся в СССР, действовало в виде подпольных групп со славянофильскими взглядами. Они выпускали в самиздате свои журналы: «Вече», «Земля», «Московский сборник» (В. Осипов, А. Иванов, Л. Бородин), имели собственные нелегальные объединения типа «Всероссийского христианско-социального союза за освобождение народа». Принадлежащие ЦК комсомола журнал и издательство с одинаковым названием «Молодая гвардия» в конце 60-х годов становятся основными инициаторами националистического движения, выступающего как реакция на кризис официальной идеологии. Схожие настроения звучали и в других периодических изданиях, таких как «Наш современник» и «Литературная Россия», «Октябрь» и «Огонек», а иногда и в ежедневных газетах, таких как «Советская Россия».

Признанными идеологами направления были И. Шафаревич и высланный за границу в 1974 году знаменитый писатель, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын (1918–2008).

Как Ф. М. Достоевский и И. А. Ильин, наиболее близкие ему мыслители, Солженицын был озабочен философией истории, экзистенциальными и эстетическими проблемами. Настроен был резко антизападнически, полагая марксизм и коммунизм результатом кризиса всей культуры и

всей системы мышления в мире, который начался в эпоху Возрождения и нашел свое максимальное выражение в просветителях XVIII века. Все беды России начались с вестернизации Петра и с попыток модернизации православного культа, предпринятых в XVII веке патриархом Никоном. 1917 год с его революцией стал лишь последним и роковым шагом в пропасть. Солженицын потешался разочарованию Запада, который вдруг увидел какого матерого националиста он защищал и использовал любой предлог для обвинений Запада в аморальности, консюмеризме и декадансе [5].

Солженицын был настроен провиденциалистски и даже мессиански, впрочем, вполне в духе своих великих предшественников (Толстой и Достоевский). Вокруг него в эмиграции сложилась экзальтированная и чуть ли не религиозная атмосфера обожания и почитания – разумеется, со стороны православно-националистически настроенных эмигрантов. Мир и история – органический, предопределенный Божьим замыслом, процесс и не подвластен рациональным просчетам и постижениям. Универсальная, духовная основа мира предполагает существование единой и единственной Божьей же истины. Идея плюрализма в отношении истины – энтропия мысли, рушащая культуру. Истина также неразрывно связана с нравственностью, добром. Носителем же всего это является – догадайтесь, кто?

Обладающий незаурядным темпераментом борца, абсолютно убежденного в своей правоте, отличающийся, как и И. Ильин, также чертами нетерпимости и фанатизма, именно Солженицын стал, по сути, инициатором двух ожесточенных столкновений, *фокусных* дискуссий (1974–1976 и 1983–1985) – с либеральным прозападническим лагерем советского диссидентства.

Предысторией столкновений в эмиграции является известное противостояние 1960-х годов – война журналов: «Нового мира» А. Твардовского и «Юности» Б. Полевого, с одной стороны, и журналов «Октябрь» (В. Кочетов) и «Огонек» (А. Софронов) – с другой. Особое место в этом конфликте занимали журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник». В борьбе с либерализмом они выступали как стратегические союзники Кочетова и Софронова, но действовали скорее

в рамках почвеннической, чем ортодоксально-коммунистической позиции.

Журналов в эмиграции всегда хватало, но для третьей волны особое, центральное мировоззренческое значение приобрело противостояние позиций двух из них: ежеквартальника «Континент» (редактор – Владимир Максимов) и журнала «Синтаксиса» (редакторы – Андрей Синявский (Герц) и его жена Мария Розанова). Противостояние было перманентным, напряжение же в него вносили сборники и программные статьи лидеров направлений.

Так осенью 1974 года в Париже вышел сборник «Из-под глыб», ставший важным коллективным манифестом современного православного почвенничества. В нем опубликованы три работы Солженицына, в том числе и знаменитая «Образованщина». Она и стала модным полемическим брендом: образованщина, образованцы – работники умственного труда без нравственных устоев, охотно дающие государству себя использовать, присягой лжи поддерживающие режим, не способные к жертве, но оскорбительно отзывающиеся о России и русском народе. Это воскресшие двойники беспочвенной, антирелигиозной, противогосударственной дореволюционной интеллигентщины с ее леволиберальным уклоном и нападками на русскую историю. На кого же надеяться? Для Солженицына общество состоит не из социальных слоев, а из личностей, а потому его ответ естествен: «из прошедших (и в пути погибших) одиночек составится эта элита, кристаллизующая народ».

Ответ критикуемых не заставил себя ждать. Сборник статей «Самосознание» (Нью-Йорк, 1976) вышел под редакцией Павла Литвинова, Михаила Меерсона-Аксенова и Бориса Шрагина. «Самосознание» демонстрировало плюралистические, либерально-демократические ценности, обсуждало возможность соединения христианских и гуманистических ценностей, резко критиковало отказ от основополагающих принципов демократии, говорило о роли чужого, иностранного элемента в развитии цивилизации, обсуждало возможность социализма не тоталитарного типа, исследовало человеческую психологию в условиях тоталитарного режима, ведущего к отчуждению, приспособленчеству и двоемыслию.

Спустя почти десять лет Солженицын вновь «выстреливает» программной публицистической статьей «Наши плюралисты» (1983), вводя новый таранный лозунг против диссидентов-западников: «руссофобия». Обозначая их плюралистами, он обвинял их в сознательной и планомерной лжи: «в круговую знают, что лгут, – и лгут!». Запад и все плюралисты заражены манией руссофобии, от западных и внутренних врагов-руссофобов происходят все несчастья России: они хотят истребить и душу, и тело, и память нации, и русскую культуру, и русский народ.

Синявский отвечает статьей «Солженицын как устроитель нового единомыслия», в которой предьявляет вердикт «шовинизм» направлению, возглавляемому Шафаревичем и Солженицыным. Национализм не является опасностью, а идет на пользу нации, как отмечает Синявский, – пока не выделяет из себя ядовитый фермент – понятие «врага». В патриотически настроенной эмиграции вдруг в изобилии появились эвфемиз-

мы для подозрительных в национальном отношении лиц и объединений – «русскоязычники», «третьеэволновники», «хозарский наездник», «этноически чуждые» элементы.

Таким образом, как и всегда – в двухвековой ли полемике западников и славянофилов, в семидесятилетней расправе коммунистов и эмиграции – мы видим торжество эмоций, идеологизаций, страстей.

Диссидентство было основой третьей эмиграции, стоявшей, фигурально выражаясь, одной ногой в зарубежье, другой же оставаясь на родине. *Их социальные сети существовали в виде связей внутри разнородного, но спаянного общим противостоянием диссидентского сообщества – в эмиграции и в СССР.* Эти направления, сформировавшиеся в едином поле интеллектуального внимания, образовали ту структуру позиций, которая и стала впоследствии «дорожной картой» последующих перестройки и либеральной революции.

Литература

1. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? [Электронный ресурс] // Б-ка «Вехи»: сайт. – URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 16.03.2014).
2. Интервью П. М. Егидеса журналу «Община» [Электронный ресурс]. – URL: <http://piter.anarhist.org/o40-02.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
3. Красиков В. И. Русские философы-мигранты: судьбы представителей первой волны в 40–60-е годы XX века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18, ч. 1. – С. 175–182.
4. Солженицын А. «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Очерки изгнания [Электронный ресурс]. – Ч. 1: 1974–1978. – URL: <http://javot.net/arhiv/6.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
5. Турчин В. О кибернетической эпистемологии. Введение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.refal.net/origins/epystmlg/epystmlg.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
6. Чалидзе В. Н. Иерархический человек [Электронный ресурс] // Этология.Ru: сайт. – URL: <http://ethology.ru/library/?id=182> (дата обращения: 16.03.2014).

References

1. Amalrik A. Prosushchestvuet li Sovetskij Soyuz do 1984 goda? [Elektronnyj resurs] // Biblioteka “Vehi”: sayt. – URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (data obrashchenija: 16.03.2014).
2. Intervju P. M. Egidesa jurnaln “Obshchina” [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://piter.anarhist.org/o40-02.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
3. Krasikov V. I. Russkie filosofy-migranty: sud’by predstavitelej pervoj volny v 40–60-e gody XX veka // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2012. – № 18, ch. 1. – S. 175–182.
4. Soljenizin A. “Ugodilo zernishko promezh dvuh zhernovov”. Ocherki izgnanija [Elektronnyj resurs]. – Ch. 1: 1974–1978. – URL: <http://javot.net/arhiv/6.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
5. Tuchin V. O kiberneticheskoj epistemologii. Vvedenie [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.refal.net/origins/epystmlg/epystmlg.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
6. Chalidze V. N. Ierarhicheskij chelovek [Elektronnyj resurs] // Etologija.Ru: sait. – URL: <http://ethology.ru/library/?id=182> (data obrashchenija: 16.03.2014).

